

СУДЬБА РУССКОЙ МАТРИЦЫ

А.А. ПЕЛИПЕНКО

Приближение очередной (или, быть может, последней) исторической развилки вновь ставит перед Россией вопрос о стратегическом будущем. Но, как ни странно, серьезных разговоров об этом почти не ведется. То ли «злоба дня» слишком приковывает к себе, то ли безотчетная боязнь будущего в ее национальной формулировке – «авось пронесет» – выстраивает высокий психологический барьер. Но, вернее всего, глубоко в общественном подсознании коренится пессимистичная догадка: исторического будущего у России в ее нынешнем виде нет. Общество гонит от себя эту мысль, но она то и дело прорывается в сублимированном виде в истериках квасных патриотов, в откровенно неправдоподобных самоуспокоительных прогнозах, в приступах необоснованной ненависти к остальному миру. Однако наркотик пропагандистского самовзбадривания, временно улучшая настроение, не способствует решению проблемы. И сейчас, когда системные изменения грядут уже в ближайшем историческом будущем, самое время обсудить проблему без гнева и пристрастия.

Глубина проектирования будущего обычно не простирается дальше разговоров о конституционной¹ или судебной реформах, о переделе собственности в связи с пересмотром итогов грабительской приватизации начала 90-х XX столетия, об ограничении возможностей исполнительной власти и т.д. и т.п. Все эти вопросы, несомненно, важны, но они не затрагивают главной проблемы: исторической стратегии развития страны. Где та парадигма, которая будет оправдывать и обосновывать собой все эти и другие инновации в стратегической перспективе? Какова, если не конечная цель, то хотя бы направление, в русле которого страна могла бы развиваться в органичном единстве с авангардом мирового сообщества? У традиционалистов ответа нет. Вернее, их ответ заключается в максимально долгом сохранении существующего положения дел. Ведь не обсуждать же всерьез демагогический вздор о пресловутом *особом пути*? Куда, собственно, ведет этот самый особый путь?

В своих кратких заметках я, разумеется, не претендую на то, чтобы слету решить сложнейший вопрос об историческом будущем России. Попытаюсь предложить лишь модель построения рабочего дискурса для его дальнейшего обсуждения. Ведь отсутствие ответа на вопрос: *что дальше?* – причина, которая удерживает миллионы россиян от активного участия в политической жизни.

Прежде всего, следует задать себе вопрос: что мы имеем в виду, говоря о России? Территорию? Население? Политическую систему? Систему социокультурных связей? Для носителя традиционного со-

знания, помимо перечисленного, есть еще мистическая Русь/Россия, пребывающая в некоем надмировом пространстве или даже объемлющая собой последнее. Земная же Россия представляется такому сознанию единой и неделимой матрицей, всегда равной самой себе, независимо от изменений политико-географического ландшафта. Вот откуда, кстати сказать, святая убежденность в том, что свежезахваченные территории «всегда нам принадлежали». Поддаваясь гипнозу этого мифа, даже рациональное сознание нередко упускает из виду, что историческая Русь/Россия постоянно меняла свою геополитическую конфигурацию, этнический состав, идеологические доктрины, не говоря уже о вариациях краткосрочных исторических конъюнктур. Изменения геополитического формата происходили всегда и будут происходить впредь: неприкосновенных границ в истории не существует. И относиться к этому надо спокойно: без заламывания рук и фетишизации доктрины территориальной целостности. Важно, однако, понять, почему даже самые ничтожные ее нарушения вызывают в традиционном сознании столь бурные нервно-воинственные реакции. Дело, видимо, в том, что даже символическая потеря территории мистическим образом умаляет корневую и самоценную идею, на которой держится мир русского традиционалиста — идею *господства*. Обстоятельства господства, его субъекты и объекты, его идеологическое обеспечение — преходящи. Сама же идея — надисторична и имеет основания в самой себе. Она — ментальный фундамент того, что собирает все компоненты социокультурной системы в устойчиво воспроизводящее себя целое — Русскую матрицу (РМ).

В самой идее господства нет, разумеется, ничего специфически русского и, тем более, российского. И в психологических, и в исторических практиках идея господства проявляется весьма разнообразно. Но на российской почве она приобрела ряд отличительных особенностей, составляющих культурно-историческую конфигурацию РМ. Выделим ее основные компоненты.

Наиболее адекватным воплощением русской идеи господства является *имперство*. Под имперством имеется в виду не эклектично-расширительное понимание расплывчатого термина «империя», а идеократический проект насильственного установления должного мирового порядка в форме безраздельного господства везде, где только возможно. В идеале — на всей Земле. Наиболее ясно эта доктрина была артикулирована в идеологии коммунизма и максимально реализована в СССР на пике его могущества. Имперство подразумевает жесткую социоцентрическую иерархию ценностей, увенчанную образом эсхатологического рая. В отличие от империй колониальных, империя теократическая всегда преследует заведомо недостижимые метафизические цели, принося им в жертву все имеющиеся ресурсы и, прежде всего, человеческие. При этом истинность цели верифициру-

ется самым фактом господства над теми, кого надлежит осчастливить в эсхатологической перспективе, а ключевым инструментом манипуляции выступает идеология мироотречения и самопожертвования. Заоблачный идеал как воплощение Должного не просто уравнивается в своем бытийственном статусе с эмпирической реальностью, но возвышается над ней, подчиняет его себе, что порождает феномен раздвоенного сознания на грани когнитивного диссонанса. Для средневекового сознания это было нормой. Для современного – опасная патология. Смысл существования для человека в РМ – служение делу империи и растворение своей экзистенции в ее метафизическом величии. В понимании жизни как служения опять же нет ничего специфически русского: парадигма служения, возникнув и утвердившись в осевую эпоху, заменила собой стихийно-традиционное бытие «Ветхого Адама» и, пережив свой расцвет в Средневековье, тянется шлейфом через всю постсредневековую историю вплоть до современности. Особенность РМ в том, что она, на азиатский манер, последовательно отторгает те формы служения, которые утвердились в культуре западного Нового времени. В этом смысле РМ порождает парадоксальный тип *антиантропной цивилизации*. Поэтому второй отличительной чертой РМ выступает *антиличность*.

Поясню, что под личностью здесь понимается не всякий индивидуум вообще, но особый культурно-антропологический тип, для которого служение облекается в формы свободной творческой самореализации. Этим новоевропейская личность отличается от всех иных культурно-исторических типов. Счастливое равновесие нисходящей парадигмы служения и восходящей линии индивидуализма породили сверхпродуктивный феномен Запада – культурно-цивилизационной системы, выстроенной «под личность». В XX в. идея служения утала и ничем не сдерживаемый индивидуализм доходит до своей крайности. В этом глубинная причина системного кризиса антропоцентрического Запада. Но речь сейчас не о нем. В РМ личность всегда была маргинальна, подавляема и подозрительна. Ее существование допускалось исключительно на условиях служения Власти, Отечеству, Богу, «отечеству». Только преклонение перед «большаком» частично искупает несмыслимый грех личности – внутреннюю свободу и независимость творческой самоактуализации. Развитие в обществе личностного самосознания – первейшая опасность для РМ, ибо личность, переживая любого рода противоречия как *свои внутренние*, не нуждается ни в «большаке», ни в каких-либо иных внешних и принудительных регулятивах. Личность регулирует себя сама, в корне дезавуируя идею внешнего господства. Поэтому независимая личность для РМ крайне опасна и она не без успеха вытраивает и вытаптывает ее на российской почве. Вряд ли имеет смысл подробно останавливаться на том, как именно она это делает. Достаточно обратить внимание

на то, с каким энтузиазмом российская власть давит любые общественные инициативы или не позволяет сложиться полноценному институту частной собственности. С каким упорством она держится за садистскую рекрутчину — главную форму мужской социализации в соответствии с моделью РМ.

Дефицит личностного сознания — существенная составляющая современной кризисной ситуации в России, а также фактор, снижающий и без того призрачную вероятность благоприятного выхода. Народ-приспособленец, состоящий преимущественно из лукавых и строптивых рабов (рабов добродетельных почти не осталось), при всех своих непомерных амбициях не может быть субъектом истории, но только объектом.

Специфическая для РМ идея господства порождает соответствующий тип властных отношений. *Самовластие* — еще одна отличительная черта РМ. Власть в РМ пребывает вне моральных ограничений, над любыми законами, ее поведение по природе своей не подлежит рационализации. Этот статус Власть периодически подтверждает, казалось бы, бессмысленными, но на самом деле *ритуальными* в своей иррациональной подсознательной мотивации злодействами. При этом власть в РМ неизменно персонифицирована. Традиционный русский вопрос — *кто будет?* — держится на полубессознательном представлении о власти как о мистическом медиуме. А медиум, как шаман, пророк, жрец — непременно должен быть персонифицирован, что, впрочем, отнюдь не требует от него быть личностью. Лучше даже ею не быть, ибо развитое личностное сознание — не самое полезное качество для того, кто транслирует в грешный мир флюиды Священной Истины. Властный субъект в РМ тоже пребывает в парадигме бессознательного служения идее господства. Эта идея не подлежит обоснованию, восходя, по-видимому, к биологическому инстинкту доминирования, пропущенному сквозь ряд культурно-исторических опосредований. Но под ними — воля в себе, не ведающая ответов на вопрос — *зачем?* Самодовлеющая ценность самовласти перевешивает любые рациональные резоны: она — неотъемлемая экзистенциальная функция властного субъекта на всех уровнях социальной лестницы. Оттого Власть в России отдают, за редким исключением, вместе с жизнью. Те, кто из Власти был «по хорошему» отстранен, мигом «сдуваются» и, как правило, долго не живут.

Порожденная РМ Власть принципиально неспособна к диалогу с обществом, поскольку не видит в нем субъекта. Оно для Власти всегда лишь объект манипуляций. Разговор Власти с обществом — это не диалог, а монолог, содержанием которого выступает властное волеизлияние. Иллюзия полной управляемости подвластным на излете исторических циклов РМ неизменно приводит Власть к неадекватному поведению и, в конце концов, дорого ей обходится. Но по-другому

она не может, и поэтому не стоит тратить усилий на установление с ней равноправного диалога. С Властью в РМ можно говорить только с позиции силы: иного языка она не слышит и не понимает. Надо ли говорить, что апофеозом такого типа властвования является сталинизм, за который так иступленно заступается как сама Власть, так и ментально соответствующая ей «чернь»?

Внутри РМ действует архаичная родоплеменная мораль, возведенная на уровень общества и государства. Принадлежность к РМ – по сути, единственный критерий, различения «наших» и «не наших». Нашим позволено все. Нормы морали на них не распространяются вообще. Не наши – неизбежно виноваты уже тем, что они не наши, т.е. по самой своей природе – враги РМ и, следовательно, всего рода человеческого. Для манихейского сознания человека РМ мир представляется сквозь призму извечной борьбы наших с не нашими, и борьба эта служит для него первым основанием бытия. Поэтому такая вещь, как универсальность моральных принципов просто не встраивается в его картину мира.

Специфика РМ во многом задается своеобразием российского исторического опыта и, прежде всего, обстоятельствами сопряжения двух, говоря компьютерным языком «операционных систем», определяющих историческое бытие народов: общинной, догосударственной, архаично-языческой и высокой письменной культурой христианского государства с его законами и институтами. Сопряжение это приняло на Руси крайне болезненные, неорганичные формы, породив неизбежный раскол между локальными сельскими, до- и антигосударственными мирами и «большим обществом», во главе которого стояла феодальная княжеская, а затем государственная власть, исподволь нацеленная на имперство.

Стадиальные культурно-цивилизационные уровни Власти и подвластного в РМ связаны глубокой корреляцией. За счет нее РМ всякий раз восстанавливается после очередного краха. Состоит она, грубо говоря, в том, что архаичность Власти не может намного уступать архаичности общества. Или, еще проще: каково общество, такова и Власть. А если Власть окажется слишком «продвинутой», то «связь с массами» теряется и матрица распадается. Интеллигенции, которой это признавать неприятно, предлагаю задуматься над причинами безотчетной неприязни «простого народа» к царям-реформаторам вплоть до Б. Ельцина. Чернь не прощает им и сотой доли того, что всегда прощает «правильным» деспотическим правителям. Раскол, постоянное перетягивание каната между Властью и подвластным, протекающее то в вялом, то в бурном режиме, настолько вошло в привычку, что стало важной частью культурной идентичности. Это болезненное мироощущение стало преодолеваться лишь в последних городских поколениях, но в целом еще достаточно сильно.

Итак, чтобы представить будущее РМ, следует, прежде всего, понять, в каком положении она находится сейчас. Оплачивая движение к пику своего могущества все более дорогой ценой, РМ в XX в. надорвалась экзистенциально и демографически. Точкой перелома стала Вторая мировая война с ее неизмеримыми жертвами и пришедшее вскоре после нее окончательное понимание нереализуемости плана всемирного господства под флагом коммунистического проекта. Ускоряющаяся деградация системы закономерным образом привела к развалу СССР. В 1991 г. средневековое Должное — становой хребет идеократических проектов РМ умерло, и в этом состоит главный исторический итог ельцинской эпохи. Должное умерло, но не исчезло, превратившись в беспокойного зомби, питающегося энергией старательно расчесываемой ностальгии. Сумерки Должного 90-х гг. прошлого века, породив невыносимую для традиционалистского сознания идейную невнятицу, сменились с приходом Путина реанимацией Должного. Однако, поскольку эпоха идеалов необратимо сменилась эпохой интересов, эсхатологический миф исчерпался, а современный информационный контекст, мягко говоря, не способствует консервации агрессивно-изоляционистских инстинктов имперского сознания. Потому реанимация Должного могла принять только вид симулякра — фальшивки, имитации. Ощущения нестерпимой фальши и пустоты, помноженные на безотчетную боязнь будущего, переполняют общественное сознание, выливаясь то в истерику «патриотизма» и ксенофобии, то в эпидемию конспирологии, то в угроющую безысходность существования, лишенного «больших смыслов». Мне скажут: все это — лирика, психология, настроения! Куда важнее говорить о ценах на нефть и макроэкономических показателях. Нет. Все как раз наоборот. Нефтяные костыли помогли РМ в нулевые годы сделать несколько шагов против течения истории, как в свое время помогли они продлить и брежневское безвременье. Но исторический ресурс РМ стратегически исчерпан. Ценность прямого военно-политического господства над территорией и населением осталась в прошлом. В современном мире борьба и соперничество систем ведется на совершенно иных основаниях. Здесь у «великой сырьевой державы» будущего нет, не говоря уже о том, что сырьевое величие доживает последние годы.

Но есть и более глубокие причины этой исчерпанности. Важен здесь и сам характер противоречий, который определяет фронтиты противостояния систем в XXI в. Нынешняя ситуация отмечена системным кризисом глобальной культурной парадигмы, утвердившейся в осевую эпоху — парадигмы *логоцентризма*. Не вдаваясь в подробности этой исключительно важной и обширной темы, отмечу лишь, что логоцентризм в данном контексте — это нечто гораздо более широкое и важное, чем объект постмодернистской философской критики. Современный человек — продукт логоцентрической культурной системы. Когда мы

ищем истину и не желаем мириться с ее недостижимостью, — это не извечное свойство человеческого духа. Это логоцентризм. Когда мы соотносим все наши ценности с неким запредельным Абсолютом (даже утратившим свою традиционную религиозную атрибутику), полагая его надмировой точкой отсчета, замыкающей все иерархии — это логоцентризм. Любого рода упорядочивающие принципы и системы нормативности — от моральных установлений до социальных статусов, хотя и имеют более древние основания, верифицируются тоже логоцентрически. Когда спекулятивные умопостроения приобретают статус самостоятельной онтологической полноты и «подтягивают» под себя наличную реальность — это логоцентризм. Все дискурсы книжно-письменной культуры — тоже логоцентризм, а опять же не что-то, универсально присущее человеку. В русле становления логоцентрической культурной парадигмы в средиземноморском ареале утвердился авраамический монотеизм и сообщество цивилизаций, развивающихся на его основе. Пережив золотой век в Средневековье, не случайно отмеченном господством самой последовательной из логоцентрических цивилизаций — исламской, логоцентризм к XV — XVI вв. стал клониться к упадку. Носителями нового системного качества стали западные европейцы — «неправильные» логоцентрики. Опираясь на заложенную в западном христианстве доктрину антропологического максимализма, они вывели эволюционную динамику логоцентрической системы на финишную прямую. Этапами этого пути стали Ренессанс, Реформация и Просвещение. Но контуры нового постлогоцентрического дискурса стали явственно проступать лишь в современную эпоху, когда авангард западной цивилизации инициировал культурно-цивилизационный синтез со странами АТР (Азиатско-Тихоокеанского региона). Последние, в первую очередь Индия и Китай, в осевую эпоху сделали лишь незначительные шаги в фарватере становления логоцентризма и оттого ментальность их народов минимально удалась от древних дологоцентрических форм. Благодаря этому именно они, эти народы, оказываются сейчас в наиболее выгодном эволюционном положении и в наступающем синтезе с постлогоцентрическим авангардом Запада им принадлежит ведущая роль. Таким образом, в современном мире разворачивается борьба между восходящими силами нового постлогоцентрического культурно-цивилизационного качества и нисходящими силами логоцентризма. Борьба эта — между «людьми Слова» и «людьми Цифры», между принципом метафизики и принципом релятивизма, между принципом упорядоченного единства и отсутствием генерализующих принципов в чем-либо вообще. Силы отступающего логоцентризма возглавляет радикальный ислам. Этот культурный тип принципиально не модернизируем, и отступать ему некуда. На своих средневеково-логоцентрических позициях он будет до конца. Россия со своей РМ тоже, в целом, принадлежит к логоцен-

трическому лагерю. Но, в отличие от исламской цивилизации, здесь нет такой «чистоты жанра». Культурно-цивилизационное качество здесь выражено менее цельно и монолитно. Позиции типологически весьма близкой исламу православной конфессии гораздо более слабы, и девственность средневекового мироотречения многократно нарушена искусом модернизации. В результате в России нет ни восточной религиозности, ни западной секулярности. В РМ скорее, не Власть от Бога, а Бог от Власти. Даже в исламских странах актуальность Должного выводила на улицы сотни тысяч бунтарей Арабской весны, поднявшихся против не соответствующих Должному правителей. В России же гальванизированный труп Должного никого вывести не в силах. Еще неизвестно, что хуже: сама война или отсутствие в обществе ценностей, ради которых люди готовы воевать. Кто страшнее: толпа погромщиков с горящими глазами или вялый, циничный и равнодушный ко всему обыватель. Скорее, оба хуже.

Веками пребывая в положении «ни то ни се», дух тоскует по определенности, и оттого в российской ментальности так плохо обстоит дело с разработкой срединных смысловых зон, о чем, впрочем, кто только не писал. А в общеисторическом масштабе позиция нахождения между Востоком и Западом сыграла с Русью/Россией злую шутку.

Вырастая из общих оснований средневекового логоцентрического монотеизма, и католическая Европа, и христианский Восток (прежде всего, православно-византийская его часть), и мир ислама, имели единый мировоззренческий фундамент. Суть его состояла в ключевой бинарной конструкции, включающей в себя два взаимно противопоставленных космологических полюса с множеством изофункциональных семантических коррелятов: Добро/Зло, Творец/Творение, Бог/Дьявол, небесное/земное, Должное/Сущее и др. Снятие означенной оппозиционности на высочайшей ступени синтеза осуществлялось в духовном Абсолюте — своеобразном псевдониме самой культуры или, точнее, главным модусе ее существования в постосевую эпоху. Одним из важнейших аспектов этой дихотомии был дуализм пессимизма мироотречения и эсхатологического оптимизма. Между образом погрязшего во зле и грехе мира и образом эсхатологического рая образовалось мощнейшее «силовое поле», приводящее в движение механизмы культурогенеза и смыслообразования. Но культурная динамика, инициируемая этими силами, оказалась направлена поразному. В исламе оба полюса, в целом, остались на прежних местах и в XX в. некоторые трансформации обозначились лишь в последнее время. Поэтому в глобальном культурно-мировоззренческом смысле мир ислама продолжает жить по средневековым часам и в режиме следования средневековым логоцентрическим ценностям.

Католическая Европа пошла по пути глобального преобразования системы: трансформировались оба полюса. На протяжении всего

Средневековья между исходными полюсами средневекового космоса, в силу реализации заложенной в раннем христианстве потенции антропологического максимализма, развивалась третья, пограничная медиативная зона — антропная, связанная с собственно человеческим миром и его имманентными проявлениями. Постепенно антропная зона разрасталась за счет территории макрополюсов: божественного и дьявольского и, в конце концов, к XV в. началась глобальная трансформация всей культурной системы. Ренессанс, оправдав человеческое тело, нанес смертельный удар по мироотречению, а Реформация и Просвещение завершили процесс преобразования средневековой культурной системы в нечто совершенно инокачественное. Европейский Модерн не только полностью оправдал все проявления человеческой натуры, но и постепенно «перекачал» в человека все атрибуты божественного Абсолюта (как, впрочем, и противоположного полюса — дьявольского), подточив, тем самым, основы религиозной эсхатологии. В XIX в. нишу прежней христианской эсхатологии заняла мифологема социальной утопии и идеалов общественного блага. Традиционная же религиозность заняла в новой конфигурации если не маргинальную, то, по крайней мере, явно не системообразующую роль. Отсюда и радикальное падение значения традиционного религиозного сознания и теологии в XX в., причем для понимания культурной динамики XX в. не следует упускать из виду, что это «перекачивание», которое в эпоху раннего Нового времени шло в режиме маятниковой смены мировоззренческих доминант — от возвеличивания человека до его самоуничтожения, — к XX в. достигло в процессе ускорения чередования фаз полного взаимоналожения. В XX в., особенно во второй его половине, мировоззренческие доминанты, связанные с антропологическим максимализмом и минимализмом слились во взаимопогашении и перестали создавать продуктивные социокультурные противоречия. А со смертью традиционной метафизики эта проблема вовсе потеряла фундаментальный смысл. Так, «заточенная под личность» антропоцентрическая цивилизация Запада, предоставив последней (разумеется, в идеале) свободу творческой самореализации, одновременно подарила обывателю *культ комфорта* вкупе с идеологией безосновательно раздутой самости. Впрочем, о проблемах Запада следует говорить отдельно.

Россию — как варварское продолжение византийской цивилизации с ее Восточным христианством — постигла иная, пожалуй, наиболее печальная историческая участь. Срединная зона между системообразующими полюсами так и не развилась. В постсредневековую эпоху полюс мироотречения остался на месте, в то время как полюс эсхатологии, претерпев серию последовательных деструкций, разрушился. «Лебединой песней» эсхатологической традиции в XX в. выступила идеология коммунизма, распространившаяся далеко за

пределы восточно-христианского ареала. В результате, историко-культурный процесс в нем, связанный после падения Византии, с Россией и затем с СССР, приобрел сложные, противоречивые, своего рода «кентаврические» черты.

С одной стороны, культурное сознание сохранило средневековую основу, с другой же, под влиянием Европы, впитало искус модернизации. Вследствие этого, произошел «сбой исторических часов», вызвавший не только калейдоскопическое смешение восточных и западных культурных элементов, институтов и традиций, но и глубокий и, похоже, неизбежный общественный раскол: прежде всего, в российском, советском и постсоветском обществе. Эсхатология умерла, а дух мироотречения остался. Оттого мир в русском традиционном сознании предстает безысходной юдолью печали, а жизнь — лишенной смысла, ибо реальность несправима, а скачка в рай уже точно не будет. Эти глубинные и плохо отрефлектированные умонастроения не лечатся пропагандистскими кампаниями, тем более, что никакой эсхатологической доктрины в них не содержится. Спивающееся от экзистенциальной тоски население уныло отвечает устойчивым снижением рождаемости. Ситуация еще могла бы быть поправима, если бы общественное сознание не было бы столь инфантильно, фольклорно и антиисторично. Мир описывается набором племенных по своей структуре мифологем, почти полностью блокирующих рациональное восприятие реальности. Время для такого сознания течет циклично, точнее — по спирали, но с очень вялой поступательной компонентой. Исторический опыт не аккумулируется, статус события и факта зависит от его интерпретации в мифе. Все нерелевантное мифу — отбрасывается. Циклы мифологического времени членились сменой власти — сверхъестественного субъекта и источника всякого бытия. Приход нового правителя знаменует очередное обнуление времени и ритуальное обновление космоса, когда жизнь начинается с чистого листа, а весь накопившийся исторический опыт сбрасывается как ветхая одежда. В этом нет ничего уникального: такое отношение архаического сознания к историческому бытию хорошо описано М. Элиаде на материале древних народов. Уникальность же состоит в том, что сохранивший до такой степени ювенильную антиисторичность сознания народ оказался против своей воли вовлеченным в историю. И более того, он на несколько веков стал одним из главных ее участников.

Нетрудно заметить, что Западной Европе на протяжении всей ее послепатристической истории противостояла империя. Империи, как удавшегося долгосрочного идеократического проекта на Западе не было, как не было и устойчиво воспроизводящегося имперского сознания — а именно оно и есть главный критерий «имперскости». Вплоть до конца Средневековья Европа грезилась о возрождении рим-

ского величия, одухотворенного христианской утопией. Такого рода грезы имели место едва ли не везде, вплоть до провинциальной Португалии. Но не стоит попадать под гипноз имперской риторики. Ни Каролинги, ни Оттоны, ни их наследники – императоры Священной Римской империи Германской нации – так и не создали настоящей империи. Дело даже не в том, что последняя представляла собой довольно рыхлый конгломерат территорий, а император даже не имел постоянного домена. Дело в том, что не складывалось имперское сознание, а исторические обстоятельства не отвечали требованиям реализации глобального идеократического проекта. Ближе всего к образу полноценной империи подошли испанские Габсбурги. Но и здесь имперские тенденции не победили. Имперско-теократические претензии испанцев в Европе расшибились об авангард буржуазной революции – Голландию и Англию. А за эти имперские претензии Испании пришлось заплатить долгим периодом унижения и прозябания на задворках Европы, окончившимся лишь в XX в. после Франко. Не сложилось имперского сознания и у Габсбургов австрийских, хотя времени было, вроде бы, достаточно. Распад Австро-Венгрии прошел на удивление безболезненно и не оставил австрийцам никакого дурного наследия в виде пресловутого имперского комплекса. Не было имперского сознания ни у французов, ни у англичан, ни, тем более, у бельгийцев или голландцев. Колониальные империи – это явления совершенно другого порядка, нежели империя как теократический проект. Последним всплеском собственно имперской идеи в Европе был разве что гитлеровский Третий рейх, едва продержавшийся двенадцать лет.

Итак, в Европе были имперские тенденции, служившие внутренней диалектической антитезой генеральной доминанты – процесса формирования *национальных государств*. А вот *извне* Европе постоянно противостояла настоящая (состоявшаяся) идеократическая империя. Сначала это была Византия, затем арабский халифат, взлетевший на фоне угасающей Ромейской державы. Затем эстафету всемирной по претензиям империи приняли турки, а с XVI в. подспела и Московия, провозгласившая себя третьим Римом не только в духовном, но уже и в политическом смысле.

В глобальной исторической перспективе Русь/Россия и Европа связаны последовательно развивающейся диалектикой взаимодействия, взаимоотрицания и взаимоформирования. От синкретической близости к Европе в эпоху Киевской Руси, через нарастающий византизм и антилатинство владими́ро-суздальских, а затем московских князей к идее третьего Рима и вполне зрелой имперской деспотии Ивана Грозного шел путь подспудного вызревания диалектической антитезы европеизму, который в муках и коллизиях неуклонно возвращал цивилизацию буржуазных наций. С эпохи Ивана Грозного Русь обо-

значилась для Европы в качестве внешней имперской антитезы, и диалектическое противостояние приобрело уже вполне выраженный характер. Московия, шаг за шагом укрепляя свое имперство, с такой железной последовательностью обходя любые альтернативы, что в одном этом можно найти убедительнейшие оправдания самого радикального исторического детерминизма, наращивала геополитическое взаимодействие с Европой и, по крайней мере, с эпохи Петра, заняла позицию противостоящей ей империи. Диалектически противоположные культурно-цивилизационные парадигмы вошли в завершающую фазу своего имманентного развития. Симметричная противоположность набора культурно-цивилизационных факторов стала явственнее, противоречия острее, противостояние напряженнее.

Запад трансформировал раннебуржуазное цивилизационное качество в систему либеральной демократии. Идеократическая империя, изжив православную догматику, трансформировалась в империю советскую, перекодировав нетрансформируемый образ Власти из православного монарха в партийного вождя, Опонское царство — в коммунизм, богоизбранный народ — в избранный социальный класс-гегемон и т.д. В этом, если продолжать рассуждать в духе исторического детерминизма, и заключался главный императив обновленной на марксистский лад идеократии.

Хитрость исторической диалектики состоит в том, что за нарастающей остротой противостояния, приходящей на смену первоначальной синкретической нераздельности, плохо просматривается *макроисторическая комплементарность*. С распадом СССР глобальная историческая диалектика противостояния/комплементарности России и Запада оказалось снятой. И после этого, говоря словами Гегеля, отпавшие от фронта движения истории формы *предоставлены своей собственной диалектике*. Для России, выполнившей полностью свое историческое предназначение, эта диалектика оказалась весьма драматичной. Дух развития покидает Россию постепенно, уберегая от смертельных катаклизмов и предоставляя шансы вскочить на подножку уходящего поезда. Но шансы не используются, время растрачивается и темпы ухода «духа» нарастают.

Все это имеет самое прямое отношение к вопросу о том, в каком положении сейчас находится РМ. Единственный ресурс, который продлевает его полуэфемерную жизнь — это психологическая инерция и страх хаоса. Так стоят, будто живые, сгнившие внутри деревья. Но что же дальше? Каковы исторические перспективы? На мой взгляд, ключевая развилка ближайшего будущего делит их на две группы сценариев: стагнационные и трансформационные.

Стагнационные сценарии могут протекать быстрее или медленнее в зависимости от частных геополитических и экономических обстоятельств, которые в принципе нельзя предугадать заранее. Но их об-

шая суть заключается в том, что все социальные подсистемы на фоне прогрессирующей депопуляции коренных народов, прежде всего, русских, пребывают в состоянии прогрессирующей деградации. При этом ползучая исламизация и изменение этнического состава стареющего общества приведут РМ к перерождению в «азиатскую сторону». Говорю именно о РМ, а не о стране или территории: геополитическая конфигурация России изменится *при любых сценариях*.

Если общество не найдет в себе силы преодолеть историческую инерцию, то вялый дрейф в сторону задворков современного мира возможен, условно говоря, по *византийскому сценарию*. Точный рисунок такого сценария обрисовать, разумеется, невозможно. Но поучительно вспомнить, как в поздней Византии турки освоились настолько, что ромейские интеллектуалы перестали видеть в них опасность и психологически смирились с их наступающим господством, полагая, что с ними всегда можно будет договориться. Дальнейшая история показала всю наивность этих надежд. Конечно, любое сравнение хромает, но приходящая с мигрантами ползучая исламизация и кавказский тупик² заставляют внимательней присматриваться к историческим аналогам закатных эпох империй. По византийскому сценарию будет постепенно утрачиваться контроль над территориями, что будет приводить к их фактическому отделению и включению не просто в сферы политического влияния, но, прежде всего, в заново складывающиеся цивилизационные сообщества. К примеру, с Дальним Востоком уже и теперь все ясно: его китаизацию никто и не думает останавливать. Более чем вероятны и «войны сатрапов» — конфликты между обособляющимися регионами империи. Закономерное завершение такого сценария — схлопывание имперского этнокультурного ядра до незначительной территории при полном культурно-цивилизационном упадке. А если при этом сохранится еще и имперская риторика, то это будет означать, что дух истории не лишен чувства юмора.

В контексте обсуждения стагнационных сценариев важен вопрос: может ли РМ сделать еще один виток? Еще раз перелицевавшись, породить симулякр симулякра? Если поднапрячь воображение, то нечто подобное представить можно. Просто следует помнить, что исторические циклы РМ — это не заколдованный круг, а все же спираль. И каждый следующий цикл короче предыдущего, а их завершение — окончательный коллапс. Советский цикл занял 70 лет, что существенно меньше предыдущего. Нынешний, путинский, криминально-бюрократический, исчерпал свой исторический лимит после турбулентности 90-х еще быстрее. Эксплуатируя историческую инерцию и судорожно выгребая остатки цивилизационного ресурса РМ при более чем благоприятной внешней конъюнктуре, режим на излете своего недолгого цикла разлагается на глазах. Причин тому не счесть, но среди них важно выделить ту, что связана с упадком

духа РМ, вытеснением ее метафизики жертвенных идеалов частными интересами. Дело даже не в том, что погрязшая в воровстве верхушка, страдая когнитивным диссонансом, ищет при этом пресловутую национальную идею — то бишь обновленную идеологическую формулу РМ в постсоветских условиях. И даже не в том, что такие поиски не приведут ни к чему, кроме аморального и нежизнеспособного православно-фашизма. Нежизнеспособен он потому, что, во-первых, православие как инертная, нетрансформируемая средневековая конфессия экзистенциально отторгается современным человеком с его возросшим индивидуальным сознанием³ и, во-вторых, потому, что фашизм в РМ может иметь только ксенофобскую окраску, но это-то и делает его невозможным в многонациональной России⁴. Главная же причина разложения РМ — в духе индивидуализма, партикуляризма и частного интереса, который, проникая во все поры общественных отношений, вытесняет парадигму сопричастности к «большаку» (т.е. Власти) и жертвенного служения делу империи. Конечно, шлейф будет тянуться еще долго, но молодое поколение все чаще «выбирает пепси». Русский индивидуализм — не буржуазный, а варварский: ему чужд дух протестантской этики. Его национальная идея — халява. Но наряду с ним есть уже и сектор вполне вестернизированного мировоззрения и вполне буржуазного индивидуализма. Уже сложилась, особенно в больших городах, категория людей, которые не хотят и не могут жить в РМ⁵. И напрасны надежды режима на то, что их можно запугать или выдвинуть в иммиграцию. Более того, становится как никогда ясно, что азиатской и европейской (не в географическом, а в цивилизационном смысле) Россиям вместе более не ужиться, у них нет более общих культурных кодов и единственное, что их связывает, это долгая привычка друг друга терпеть.

Если чрево РМ способно родить еще одну матрешку, то разве что совсем маленькую, жизнь которой будет измеряться разве что несколькими годами или, что более вероятно, месяцами. Здесь очень многое зависит от того, до какого градуса дойдет противостояние в обществе к моменту краха нынешнего режима. Сейчас оно нарастает чуть ли не с каждым днем, и режим с упорством, достойным лучшего применения, сжигает за собой мосты. Психологически это понятно: РМ если не понимает, то уже чувствует свою историческую обреченность. Если вменяемая часть правящей группировки из чувства самосохранения не прислушается к возрастающему общественному запросу на соленые грибки из завернутой в шарф табакерки, то обстановку разрядить не удастся, и РМ как системно целое окончательно уйдет в небытие вместе с путинизмом. И ценой ее ухода будет крупномасштабные социальные потрясения. Такое развитие событий делает более вероятными иные сценарии будущего — *трансформационные*. Как целое — Россия не трансформативна. По совокупности

внешних и внутренних обстоятельств, она, в любом случае, обречена на относительно скорую дезинтеграцию, которая, помимо прочего, открывает возможность системной трансформации – т.е. выхода из РМ. Иными словами, выбор, стоящий перед Россией, может быть метафорически сформулирован так: или общество находит в себе силы вырваться из дурной колеи циклов РМ и как бы это ни было больно, сломать неправильно сросшиеся после великого перелома 1917 г.⁶ кости, или коротать недолгий исторический век калеки в обломках РМ. Чтобы иметь достойное будущее, надо выбирать первое, но вероятнее всего ювенильное сознание российского большинства, которое в начале нулевых вновь прельстилось имперской химерой, в очередной раз выберет бегство от ужаса истории в патерналистский миф. Обстоятельствами, которые могли бы поспособствовать реализации трансформационного варианта могли бы стать, во-первых, настоящая гражданская война, предпосылки которой впервые в постсоветской истории при активном содействии правящего режима складываются на наших глазах, и, во вторых, такой рисунок дезинтеграции, при котором европеизированный запад России (или его часть) «разводится» с азиатским ее востоком, по примеру Северной и Южной Кореи. Лишь только после этого вопрос о системной трансформации можно будет обсуждать в практическом плане. Однако, говоря об интеграции российского запада в европейскую цивилизацию, следует учитывать усугубляющийся кризис западного мира. Речь идет не о финансово-экономическом кризисе, а об общекультурном и цивилизационном. Не имея возможности подробно углубляться в эту важнейшую тему, отмечу лишь то, что вождевленное для нескольких поколений российских западников вхождение в Западную Европу сейчас вряд ли актуально. Более реалистичным и даже более предпочтительным предстает путь интеграции в Европу Центральную. Проект Модернити, придя в этот регион с опозданием и утвердившись с большими, вызванными известными историческими обстоятельствами, затруднениями, не исчерпал еще своего потенциала. Поэтому на центрально-европейской почве возможно его продолжение, или, точнее, его вторая историческая редакция: новая Европа, включающая в себя Русскую Европу как свою органичную и существенную часть. Тема эта, однако, требует отдельного и серьезного разговора.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ Если конституция не отражает выстраданного обществом исторического опыта, а кроится в соответствии со случайно понравившимся образцом с некоторой подгонкой под «местные условия», то веса такая конституция иметь не будет, как не имеет веса, к примеру, нынешняя Конституция 1993 г.

² Раньше любили говорить, что кавказская проблема не имеет военного решения. Теперь она уже не имеет никакого.

³ Причины, в силу которых православие, как и вся христианская традиция в целом, пребывает в состоянии необратимого упадка, заслуживают отдельного разговора.

⁴ В царской России это прекрасно понимали и потому держали российский шовинизм в узде. Нынешние правители этого не понимают, и в возрастающей силой жмут сразу на обе педали: на имперство и на русский национализм.

⁵ Социологический анализ этой части общества опять же требует отдельного исследования.

⁶ Я вовсе не хочу сказать, что до 1917 г. дела обстояли прекрасно, и всему виной прилетевшие с Марса большевики. Просто знаменем системной трансформации может и должна стать тотальная *десоветизация*. В любом случае, выход из нынешнего кризисного состояния, даже если на его знаменах не будет начертан лозунг о «ликвидации последствий» советского периода истории, потребует социальных трансформаций, сопоставимых по масштабам с 1917 годом. К этому надо быть психологически готовым.

Аннотация

Главная тема статьи – перспективы России в контексте макроисторической динамики. Статья содержит опыт культурологического анализа современного состояния и исторических перспектив российской цивилизации. Выявляются устойчиво воспроизводящиеся структурные универсалии российской культурной системы – Русской матрицы: такие как имперство, самовластие и отрицание личностного начала. Автор делает попытку соотнести их проявления с современным культурным контекстом и смоделировать возможные сценарии дальнейшей исторической динамики в обозримом будущем. В контексте рассмотрения макроисторических взаимодействий между Россией как наследницей Византийской цивилизации и Западом бегло намечаются причины современного системного кризиса западного мира.

Ключевые слова: господство, империя, личность, логоцентризм, матрица, мифологема, эсхатология.

Summary

The main subject of the article is the prospects of Russia in the context of macro-historical dynamics. The article relates the experience of cultural analysis of the current state and historical perspectives of the Russian civilisation. It identifies the persistently replicating structural universals of the Russian cultural system (the Russian matrix), such as imperialism, autocracy, and denial of the personal. The author attempts to correlate their manifestations with the modern cultural context and to model the possible scenarios of historical dynamics in the foreseeable future. Considering the macro-historical interactions between Russia as heir to the Byzantine civilisation and the West he outlines the causes of the current systemic crisis of the Western world.

Keywords: domination, empire, eschatology, identity, logocentrism, matrix, mythology.